

Шедяков В.Е.

Политическая рефлексия ценностно-смыслового пространства и осуществление геостратегической самоидентификации

Вивчається ціннісно-смысловий простір як найважливіший фактор геополітичної самоідентифікації. Розглядаються його базові складові й вектор змін. Аналізуються особливості здійснення регулятивного впливу. Характеризуються постсучасні можливості моделювання суспільних процесів. Демонструється зв'язок аналізу, прогнозування та конструктивного (як позитивного, так і негативного) впливу на явища і процеси.

Ключові слова: геостратегія, самоідентифікація, ціннісно-смысловий простір, моделювання.

Изучается ценностно-смысловое пространство как важнейший фактор геополитической самоидентификации. Рассматриваются его базовые составляющие и вектор изменений. Анализируются особенности осуществления регулятивного влияния. Характеризуются постсов-

ременные возможности моделирования общественных процессов. Демонстрируется связь анализа, прогнозирования и конструктивного (как позитивного, так и негативного) воздействия на явления и процессы.

Ключевые слова: геостратегия, самоидентификация, ценностно-смысловое пространство, моделирование.

Value and sense space as a major factor of geopolitical self-identification is studied. Its basic components and the vector changes are considered. Features of the regulatory impact are analysed. Postmodern modelling capabilities of social processes are characterized. The relationship between analysis, forecasting and design (both positive and negative) impact on the phenomena and processes is demonstrated.

Key words: Geostrategic, self-identification, values and sense space, modelling.

УДК 1.000.165.6

Шедяков В.Е.,
доктор социологических наук,
независимый исследователь

Сегодня устойчивость общественного уклада стран во многом зависит от уровня политической культуры и качества диалога внутри и вне государства [1–7]. С одной стороны, показатели социально-экономического развития или военной мощи державы, разумеется, отнюдь не гарантируют её позитивного восприятия. С другой – субъектом, а подчас и стороной противостояний всё чаще оказывается криминальное международное сообщество, борющееся с устоями, самостоятельностью и суверенным развитием отдельных стран. В данной ситуации исход конкуренции культурно-цивилизационных миров непосредственно зависит как от налаженных политических коммуникаций, так и от защиты и обеспечения традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовно-нравственную основу цивилизации каждого народа: ценностей подлинной человеческой жизни, не только материальных, но и духовных, ценностей гуманизма и разнообразия мира, а также от обогащения их форм и культивирования политического творчества, открывающего новые горизонты развития [8–11].

Известны идеи и размышления на этот счет таких мыслителей, как Арриан, Маврикий, Онасандр, Полибий, Полиэн, Полемократ, Сунь Цзы, титанических фигур прошлого, таких как О. Бисмарк, С. Витте, В. Голицын, П. Столыпин и др. Выдающимися представителями различных научных школ: Н. Бердяевым, Л. Гумилёвым, Н. Данилевским, И. Валлерстайном, А. Зиновьевым, И. Кантом, К. Леонтьевым, А. Лосевым, К. Марксом, Р. Нисбетом, П. Сорокиным, А. Дж. Тойнби,

Ю. Хабермасом, А. Хомяковым, А. Чижевским, О. Шпенглером, А. Этциони и др. – активному исследованию были подвергнуты объективные основы социодинамики, соотношение общих закономерностей и отличительных особенностей реализации логики социогенеза применительно к разным культурно-цивилизационным мирам и эпохам, возможности осуществления эффективных социальных воздействий на неё, диапазон перспектив при осуществлении межцивилизационного взаимодействия.

Информационный взрыв усилил возможности общественного влияния информационных ресурсных баз. Ныне развитие культурно-цивилизационной самоидентификации и преодоление глобальных кризисных явлений в развитии человеческой ойкумены требует отхода от экономики и общества бездумного потребительства в пользу обеспечения доминанты рачительного отношения к миру, его экологии (включая и экологию человека). Одной из важных и интересных проблем философии, культурологии, социокультурной антропологии и социологии политики, вокруг которой сломано немало копий и в обсуждение которой внесли свой вклад такие выдающиеся умы, как Николо Макиавелли и Джеймс Локк, Томас Джефферсон и Алексис де Токвиль, Фердинанд Теннис и Уолтер Липпман, Юрген Хабермас и Никлас Луман, Пьер Бурдьё и Элизабет Ноэль-Нойман и многие другие, является проблема условий, границ и возможностей общественного влияния на функционирование и развитие социальных систем. Такие выдающиеся теоретики и практики стратегии взаимодействия,

как В. Альтфатер, В. Блюхер, М. Бонч-Бруевич, А. Брусилов, И. Вацетис, А. Верховский, М. Гареев, А. Горбатов, В. Гринько, А. Зайончковский, К. Клаузевиц, А. Кокошин, С. Кохан, Г. Леер, К. Мерецков, М. Мейгз, Е. Месснер, Х. Мольтке, Ф. Новицкий, Н. Огарков, К. Рокоссовский, А. Свечин, А. Снесарев, В. Триандафиллов, М. Фрунзе, Б. Шапошников, сумели обобщить закономерности и выработать рекомендации по оптимизации действий по осуществлению своей миссии. З. Бжезинский, Э. Бернейз, С. Бухарин и В. Цыганов, Т. Вивльгельм, Н. Волковський, С. Гриняев, В. Донсбах, С. Каннингем, С. Кара-Мурза, Х. Кепплингер, У. Куастхофф, М. Кунцик, В. Липпман, Э. Люттвак, Р. Мак-Чесни, Дж. Най, И. Панарин, А. Понсонби, Д. Ронфельдт, В. Фаркаш, Дж. Шарп, А. Эдмюллер и другие исследуют рост возможностей информационного воздействия, ресурсных баз пропаганды в арсенале непрямых действий гибкой силы, мягкой власти, применения механизмов распространения политических ценностей средствами разноцветного бархата. Так, в соответствии с традициями Э. Дюркгейма и В. Парето, наиболее серьезной социально-политической проблемой общества может стать аномия как разрушение его ценностных опор и нравственных авторитетов. Политический вес ценностно-смысловых комплексов изучается на базе подходов Платона, Аристотеля, И. Канта, В. Франкла, а также А. Абишевой, С. Арутюнова, В. Бакирова, О. Балакиревой, Ю. Борисовой, В. Брожика, Э. Володина, Г. Выжлецова, Б. Додонова, О. Дробницкого, А. Здравомыслова, А. Коршунова, Е. Подольской, Л. Розина, А. Ручки, В. Тугаринова, Ю. Шайгородского, В. Ядова.

Ближайшие годы могут стать решающими в определении архитектоники и вектора трансформаций послекризисного мира, когда в обострившейся стратегической конкуренции культурно-цивилизационных миров определится «удельный вес» и «место» каждого, качество жизни людей в нём. Между тем, к числу ведущих вызовов XXI века, определяющих изменение ролей субъектов мировых геэкономии и геополитики, относится кардинальный подъём возможностей и результатов обеспечения общественных трансформаций за счёт инструментария информационных воздействий, общественных манипуляций. Соответственно, ценностно-смысловые комплексы становятся важнейшим фактором геостратегической реализации культурно-цивилизационной самоидентификации, духовная безопасность оказывается важнейшей составляющей частью обеспечения общественной безопасности, изложение же результатов исследования диапазона возможных решений в сфере осуществления рефлексии ценностно-смыслового социально-политического пространства и является задачей статьи.

Уходящие с авансены истории классы часто видели в своем поражении исчезновение государств. И все же в балансе геостратегических сдержек и противовесов государственные образования в определённом смысле опять возродились. Но вот в какой степени государственные новообразования стали реинкарнацией великого прошлого, рефлексией возможностей и какие исторические шансы были упущены безвозвратно и навсегда? Особенное значение для строго доказательного выявления этого имеет анализ такого столь качественно акцентированного феномена, как ценностно-смысловые комплексы. При этом смысловые иерархии, заложенные в предметах духовной и материальной культуры, фиксируются и в языковой системе. Соответственно, общекультурные признаки становятся важнее генетических особенностей. Впрочем, по общему правилу, новый вид создается на границе популяции – там, где нужно бороться за выживание, конкурировать и меняться. Вместе с тем, с одной стороны, бессмысленно строить будущее на песке: нельзя создать альтернативную идентичность вокруг ценностно-смысловых комплексов исторических неудачников, эгоистов или предателей. С другой стороны, под навязчивой маской политкорректности и при распространении идеалов серости стираются важнейшие черты и отличия культурно-исторического мира. Напротив, обеспечение общественного подъёма предполагает создание условий для консолидации народа вокруг его базовых ценностно-смысловых комплексов, возрождения социальной памяти, выхода на историческую арену его по-настоящему лучших представителей, способных применить логику истории к пользе народа.

Ценностная ситуация включает в себя предметные ценности (ценностные характеристики предмета), ценностные представления (ценностное сознание), процессы полагания ценностей-смыслов, ценностей-идеалов и норм-требований при создании концепции поведения и регулирования деятельности целями или нормативами, ценностные ориентации, которые могут и не осознаваться, а также оценку (взаимооценку). Причем каждый из данных феноменов сам по себе не только не создает ценность, но и может существенно отличаться от нее. Ценности фиксируют значимость объекта, в отличие от факта его существования. С общесоциальной точки зрения ценностями выступают объекты, качества, формы деятельности, имеющие существенное значение для реализации социальных интересов, осваиваемые общественным сознанием и сознанием личности в виде нравственных, идеологических и прочих норм, принципов, идеалов. Ценности – элементарная единица человеческой материальной и духовной культуры, богатства цивилизации и центральный феномен ценностной ситуации [12–15].

Как процесс производства политической жизни человека представляет собой единство общественных и естественных отношений, так и политические ценности имеют социально-природный характер. При этом и природа превращается в носителя взаимосвязей людей и часть человеческого бытия только в обществе, что предопределяет принципиальное расхождение роли деятельности и сознания, с одной стороны, общества, с другой – индивида. Ценности возникают с появлением общественного сознания и производства, оставаясь как родовые силы внешними по отношению к сознанию каждого отдельного труженика. Проблема ценностей – это проблема социального инобытия, рефлексии в иное, идеальной представленности социального в предметном мире. Предмет как ценностная предметность – инобытие субъекта, оценивающего в нём свою (других) представленность, элемент культурной репрезентации (по известному выражению, в пиле овеществлена функция распиливания). В результате объективная значимость и субъективная оценка значимости могут расходиться очень заметно. Ценности поэтому не сводимы к объектам, субъектам или их свойствам, а возникают как результат объективации субъекта (или субъективации объекта). Устойчивые оценки человечеством действительности фиксируются в форме ценностных стандартов, которыми выступают разнообразными нормами, нормативы, идеалы, традиции. Ценностные стандарты характеризуют не утилитарную значимость явлений и процессов, а противостояние добра злу, имеющее не отвлеченную, а практическую сущность. Тогда как социальные нормы и нормативы относительно (на них влияет общественное положение их носителей), сама их соотносительность, взаимообусловленность принимают формы прямые либо косвенные. Ценностно-культурная подсистема культурно-цивилизационного мира представлена совокупностью ценностей, разделяемых большинством его населения и отделяющих его от других. Именно культурно-цивилизационные миры часто формируют каркас мировосприятия символов, его внутреннюю структуру.

Ценностно-смысловые комплексы реализуются как единство фундаментальных, базовых и актуальных, подвижных слоев. Благодаря этому обеспечивается как социально-политическая устойчивость культурно-цивилизационных миров, так и их развитие и приспособление к меняющимся условиям. Вместе с тем формообразование ценностно-смысловых комплексов усиливает возможности разнонаправленного воздействия на них. И если инструментальные, актуальные жизненные ценности вторичны по отношению к иерархиям потребностей, то ценности фундаментальные сами во многом их определяют. Иерархии же политических ценностей активно участвуют

в выработке мотивов активности человека, а в совокупности – его поведенческих характеристик. Как правило, например, представители современного стиля поведения в большей мере стремятся к самореализации, потому в целом их ценности рационализируются, а они более активны и уверены в себе, тогда как аграрное население традиционных производств больше ориентировано на окружение, конформизм и традиции. Как известно, в организационной культуре и превалирует или агрессивный подход (разрешения и запрещения), или миролюбивый (предписания и заповеди). Эти главенствующие подходы пронизывают системы мировоззрения, ценностей и норм, убеждений и отношений (мифов, обрядов, ритуалов), соответственно, и восприятия роли изменений, фактора времени, отличий по признакам пола, возраста, этнических особенностей и т. п., иницируя доминирование индивидуалистической либо коллективистской культуры (которые зримо отличаются в параметрах отношения к вмешательству в личную жизнь, степени влияния организации на самочувствие каждого, патернализме и расчёте на поддержку группой, иерархическое продвижение – исключительно внутри знакомой среды и, соответственно, стаж либо как внутри, так и вне в соответствии с компетентностью, дистанционность или сплоченность в социальных коммуникациях, правило «жить, чтобы творить» либо «получать, чтобы потреблять», стремление быть первым или быть как все, тяга к независимости или солидарности, социальная расположенность к успешным или неудачникам, доминирование логики или интуиции при принятии решений и проч.). Соответственно, частота выражения своего несогласия для культуры с высоким уровнем дистанции власти преимущественно низкая, тогда как с низким уровнем – высокая, предпочитаемый стиль управления в первом случае – директивный, во втором – демократический, восприятие неравенства – в первом случае – в основном как неравенство людей, во втором – как неравенство ролей, отношение к представителям аппарата управления – «они» или «мы», кардинально меняются также доступность руководства, соотношение права и традиции, архитектура социальных структур, размеры дифференциации доходов и состояний, многочисленность периферийных социальных групп, степень информированности членов групп, статусность представителей разных групп, поведенческие особенности в связи с отношением к неопределённости среды.

Соответственно, борьба за якобы мифологемы и традиции прошлого оборачивается вполне прагматичным выбором будущего. Политическая память и вообще структурно неоднородна, избирательна и тенденциозна, включает разные ценностные (профессиональные, урбанистские,

общенародные и др.) ориентации. Она циклична и сочетает в каждый данный момент интерес к отдельным периодам прошлого с забвением прочих. Она динамична (уже сегодня отношение к историческим персонажам и государственным образованиям различно у людей старшего возраста и подростков) и склонна к символизму. Характерно, что именно отбирается народом для своей самохарактеристики и закрепляется в веках. Глубина рефлексии освоения и влиятельности политической памяти во многом определяются состоянием политической культуры масс, особенностями субъектов и объектов, социокультурным и геостратегическим положением общества.

Сегодня социальный уровень информационных воздействий часто оказывается наиболее эффективным направлением обеспечения своих интересов, он испытывает на излом качество не только государственности, но и самой социокультурной ткани страны, базируясь на фундаменте ценностно-смысловых комплексов. При этом, с одной стороны, особенно уязвимы к его использованию для проведения желательных изменений трансформирующиеся государства. С другой стороны, эпоха кардинальных перемен глобального уровня породила искус для финансово богатых государств разрешения своего кризиса за счет его перелива с фундаментальным изменением устоявшегося стратегического баланса.

Таким образом, именно обеспечение адекватного Вызовам истории стратегического управления (а вовсе не обладание мощным потенциалом как таковым) является решающим фактором истории. Культивирование уровня политического сознания общества, выросшего из базовых ценностно-смысловых комплексах культурно-цивилизационного мира и проявляющегося на уровнях политических идеологии и психологии, становится важнейшим направлением обеспечения общественной безопасности [16–18]. Для этого в условиях глобализации и формирования технологий смещения как восприятия реальности общественным и индивидуальным сознанием, так и самой реальности в нужном направлении за счёт стимулирования желательных трансформаций требуется возможность как качественного доступа к нужной информации, так и защиты от негативных информационных воздействий. И базирующиеся на фундаментальных уровнях человеческой личности, тесно связанных с ценностно-смысловыми комплексами, механизмы и социальные технологии «мягкой» силы и гибкого управления открывают дополнительные возможности, ликвидируя определённые ограничения в продуктивной работе с реальностью при организации межсистемных информационных потоков: если жёсткая сила основана на принуждении, то мягкая – на формировании привлекательности желательно

для объекта влияния. Предиктором же в точке бифуркации может стать и очень слабое воздействие в ключевой точке общества.

Получение технологий и возможностей работы с информацией сегодня рассматривается как обязательное условие достойного существования и развития любой социально-информационной системы. Следовательно, характеристика информационной конкурентоспособности макрорегиона (цивилизации) – крайне важная составляющая часть комплексной оценки информационной обеспеченности общей конкурентоспособности, её адекватности внешней (условиям существования, внешним вызовам и требованиям) и внутренней (соответствие внутренней структуры заданиям развитию) ситуации, которая базируется, в частности, на анализе информационной инфраструктуры, возможности своевременно получать и распространять необходимую информацию, умения использовать эффективные PR-технологии и специфику сетевого общества, умения применять полученные сведения для своей пользы, в общем – маневрировать совокупностью рациональных и иррациональных ресурсов информационного обеспечения своих фундаментальных и актуальных интересов. В то же время снятие барьеров между отечественной и мировой экономическими системами, кроме очевидных преимуществ, рождает и серьёзные проблемы выживания в высококонкурентной международной среде, которая актуализирует внимание к информационному аспекту конкурентоспособности страны. Достижение информационной конкурентоспособности становится ведущим фактором информационного обеспечения всей конкурентоспособности любой социально-информационной системы. Причем, как известно, в конкуренции регионов побеждают те, которым удается защитить/навязать свои координаты, свой подход, даже коллективные фантомы и социальные видимости. От разрушения исторической субъектности и перехода к манипулируемому, объектному состоянию может уберечь лишь выход на мировые уровни эффективности и конкурентоспособности, прежде всего, за счет развертывания интеллектуально-творческого потенциала народа. Собственно, механизмы демократии существуют именно для того, чтобы в обществе побеждали и продвигались на общегосударственный уровень наиболее качественные лидеры, идеи, идеологии. Напротив, как замыкание в автаркии, так и скатывание в строительный элемент чужой цивилизации означает реальное исчезновение с мировой карты. Защита своей модели развития предполагает активное участие в делах всей ойкумены; попытки замыкания в себе чреватые внешним оперированием по принципу «черного ящика». Но опасно и то, когда вступление в международные организации

(например, европейские) провозглашается как самоцель, независимо от того, что от этого может получить (или потерять) конкретный культурно-цивилизационный мир, когда идеология выдается за реальные потребности, а настоящими потребностями пренебрегают.

Достойное выполнение наукой (в частности обществоведческой) своих функций: анализа, прогнозирования, оптимизации конструктивных влияний на процессы – требует приоритетного рассмотрения новейших технологий обеспечения социальных изменений. Задачи сохранения национальной идентичности, культурно-исторического кода народа самым тщательным образом должны учитываться при социетальном управлении. В данном контексте как эффективный путь системного подхода при создании и воплощении стратегических сценариев может быть рассмотрено моделирование общественных явлений и процессов. Качество используемого инструментального и методологического обеспечения процессов моделирования и управления испытывается на излом радикальностью экономических трансформаций и уровнем вставших задач. Вместе с тем недостаточная глубина первичных абстракций может повлечь за собой сужение получаемых в процессе восхождения от абстрактного к конкретному как теоретических, так и практических рекомендаций. Основую регулярного получения непредусмотренных (отличных от декларируемых) результатов может быть не только своекорыстность, расхождение интересов коренных народных и элитных групп, но и неумение осуществлять стратегическое управление на основе (пост) современного диапазона инструментария футуродиагностики общественных процессов, конвертируемого в факторы политической власти и геостратегической самоидентификации.

Моделирование как форма интерпретации политических процессов может охватывать статику и динамику, оператику, тактику и стратегию, прошлое, настоящее и будущее, поведение отдельных акторов, их групп и исторические процессы, уровни глобальный, региональный, национальный, микроструктур и конкретного индивида. При этом охватываются такие их ключевые элементы, как акторы, ресурсы и методологии действий. Учитываются как закономерности, так и отклонения от них, с задачами гармонизации, усиления, ослабления (локализации), модернизации (осовременивания). Реализация сущности моделирования в формах и этапах его осуществления позволяет интегрировать процессы управляемые, самоуправляемые и неуправляемые, определять их ограничения и выбор оптимальных действий. Построение разнообразных моделей той или иной степени абстрактности ставит вопрос отграничения важного и второстепенного, а также интерпре-

тации. Огромное значение для точности моделирования политических процессов и обеспечения эффективного воздействия на них имеет учёт сочетания процессов необратимых и циклических, поступательных и волнообразных.

И ныне на формирование успешных геополитических стратегий оказывают существенное воздействие наложение процессов информатизации и повышения роли Интернета (в частности социальных сетей), (пост) модернизации, размывания национального суверенитета глобализацией и регионализацией, сочетания интеллектуализации и стандартизации восприятия и т. п. Таким образом, использование ценностно-смыслового основания при осуществлении информационного давления разрабатывалось соответственно расширению практики информационного обмена в процессах социогенеза. И сегодня в мире продолжается освоение разнообразных подходов, связанных с исследованием методологии изучения и воздействия, развитием представлений о диапазоне ее продуктивного применения, в том числе в социальной плоскости информационной сферы. При использовании методологий мягкой силы, непрямых действий, гибкой власти именно опора на ценностно-смысловые комплексы и позволяет достигать реализации разнообразных поставленных задач, с использованием вкуче как рациональных, так и иррациональных средств, преодолением многих интеллектуальных ловушек критичности и скептицизма, эффективным интегрированием в составляемых управленческих композициях качественно различных ресурсных баз и подходов, рефлексией культурных традиций народа в общественно значимые политические инновации.

Отказ же от своих геополитических стратегий обрекает на утрату субъектности и превращение в объект стратегий чужих, следовательно, на отчуждение от собственных смыслов и ценностей и внешнюю эксплуатацию. Вместе с тем зачастую важно уметь не пытаться навязывать свое, а делать его привлекательным, используя чужое для защиты своих интересов. Углубление и расширение масштабов разнообразных аспектов всеобщего кризиса: социального, финансового, производственного и проч. – становится важнейшим условием продления жизнедеятельности западно-христианской цивилизации в её (пост) современной общественно-исторической форме. Соответственно, цена сохранения данной модели – распространение кризиса. Вместе с тем возможности постмодерна отнюдь не исчерпываются угрозами контрмодерна, хоть и могут сорваться в них, в частности, из-за ошибочности сочетания стратегии, тактики и оперативного искусства осуществления трансформаций. Исчерпание линейной логики западного доминирования усиливает ризомические процессы. Впрочем, аль-

тернативный привычному характер их природы порой интерпретируется как всего лишь парадоксальность восприятия.

Результат деятельности человечества уже вполне сравним с природой. Существенно повышается масштаб воздействия субъективного фактора политических процессов, гибкость и изменчивость стратегических комбинаций. Скользящие сочетания хаоса и порядка даруют всё новые комбинации состояний и диапазоны возможностей развития Украины. И когда-то казавшиеся неизблемыми общественные устои (как и природные ландшафты) всё в большей мере требуют защиты. История выработала некоторые не всегда очевидные закономерности течения политических процессов, в которые мы вступаем. В частности, соответственно теории Джозефа Овертона, интервал идей, которые могут в каждый определённый момент быть приемлемы обществом и которые в результате влияют на процессы самоидентификации, социализации и аккультурации и высказываются открыто политиками, не желающими репутации экстремистов, может характеризоваться как окно возможностей, по мере приближения к центру которого идеи последовательно проходят стадии немислимых, радикальных, приемлемых, мудрых, популярных, официальной политики. Их учёт необходим для успешного использования ресурсной базы с целью контрманипулирования в социальной и индивидуальной политике, организации воздействия для стабилизации и развития устраивающих тенденций, а также трансформации (локализации, ликвидации, переключения) нежелательных геостратегических трендов и предотвращения соскальзывания вдоль них. Причём в существенной степени, по общему правилу, знание их может с лихвой компенсировать отсутствие полноты информации. Точность моделирования и управления политических процессов предполагает учёт командного взаимодействия контрагентов и асимметрию информационных потоков при принятии решений каждым. Вместе с тем (пост)современность предполагает, что в процессе осуществления анализа, прогностики и конструктивных действий преимущественно приходится иметь дело со слабо структурируемой многоуровневой средой, где сходятся и диффузируют совершенно разные социально-экономические логики и тенденции. Эти основания приводят к фиксации заведомо более мозаичных, гибридных, конгломератных общественных коммуникаций, которые несут акцентирование индивидуально-психологическим (а не социально-экономическим) началом, потому вместо привычных в прошлом иерархий усиливается равнозначность разного, полисистемность, невозможность заблаговременного установления жёсткого единообразия социально-экономических масштабов и канонов (наряду с повышением в

глобальных масштабах технико-технологической стандартизации).

Наращение информационного потока отталкивает политическое сознание к отказу от критического анализа сведений в пользу восприятия на основе привычных штампов, распространённых политических мифов, удобных стереотипов, возврату от ориентаций на тексты к заглазыванию безтекстовых сообщений. В «грязной» же зоне Интернета зачастую трудно идентифицировать качество получаемой информации, что вообще стимулирует отнюдь не ответственное и честное отношение к ней. В данной ситуации обладание и обмен жизненно важной информацией становятся одним из ведущих факторов обеспечения безопасности и развития социального образования (системы, бессистемной целостности). Причём информационная революция и сама по себе рождает новые модели как для внутреннего использования, так и для внешних коммуникаций, существенно меняющие мир. Например, информационный бум мультиплицировал возможности руморологии (от англ. rumour – слух, молва и греч. logos – учение, изучение) в «покушении невидимыми средствами» с вычленением особенностей распространения и интерпретации сведений («спецпропаганды») на базе очень древнего вида коммуникаций, когда информации присущи неопределённость (исходный источник и достоверность часто неизвестны), бессистемность (информация имеет вид кома, состоит из набора блоков, который отражает интересы аудитории) и противоречивость. При том слухи не верифицируемы (невозможно достоверно установить их истинность/ложность), но именно поэтому их невозможно эффективно опровергнуть. Таким образом, многократно увеличенные СМИ в сетевом обществе слухи становятся мощным фактором изменения политической культуры общества.

Впрочем, диалог и противостояние политических культур, как правило, переплетались в культурно-цивилизационных мирах. Причём доминирование одной из этих сторон процесса во многом определялось комплиментарностью или отторжением ценностных иерархий друг друга. При этом в определённом смысле судьба культурно-цивилизационного мира и личная противоположны: сохранить свой культурно-цивилизационный мир могут только готовые отстаивать его «не на жизнь, а на смерть», конформисты же сохраняют покой ценой сдачи своего культурно-цивилизационного мира. При усилении же разнокачественных и разнонаправленных процессов существования и развития общества роль культурного остова для самоидентификации и смыслового обогащения политической сферы жизнедеятельности общества на уровнях как общественной идеологии, так и общественной психологии кардинально возрастает.

(Пост) модерн акцентує особливості культурно-цивілізаційного світу, забезпечуючи підхід до нього не як до екзотики відхилень, а як до складної комбінації створених історическим шляхом можливостей отримання згоди, стійких моделей суспільної стабільності та розвитку. Разом з тим посилення зовнішнього цивілізаційного тиску (зокрема, в напрямку нівелювання відмінностей та усередненого слідування визначеному канону) здатне зафіксувати елементи даної специфіки вже не як переваги, а як недоліки. Відповідно, якщо раніше принципові питання конкуренції культурно-цивілізаційних світів вирішувалися в силі протистояння – воєнному чи економічному, то тепер на передній план виступають впевнено виходять ціннісно-смыслові комплекси, вміння захистити та забезпечити розвиваючими формами свої та адсорбувати (адаптувати корисні та воспрепятствувати шкідливим) чужі. На даному фоні особливо важливими для реалізації соціально-адекватного управління стають рефлексія в собі та в інших, а також використання особливостей цінностей, оцінок, ціннісних ієрархій, концептуальних корелятів цінностей, ціннісно-смыслових комплексів в суспільній системі.

Разом з тим розуміння мультикультуралізму як чогось не направлення насильственного нав'язування прокрустової лави однієї культурної матриці визначеної цивілізації на конкретному етапі її розвитку, переделування всіх під визначений стандарт абсолютно не відповідає завданням стабільного розвитку та ефективного суспільного консолідації. Швидше ці функції можуть бути забезпечені широким розповсюдженням принципу перетворених форм як вводу міжсистемного взаємодіючого еталону на основі взаємного поваги, толерантності, політичної коректності та безрепресивності в стосунках між культурно-цивілізаційними світами. Поліструктура міжнародних зв'язків, заснована на вироблених та взаємодіючих нормативах стосунків, а отже не блок із ідентичних атомів-елементів, – це характеристика формуючоїся дійсності. В даному контексті саме поняття розвитку потребує оновлення: крім стабільного та збалансованого зростання, воно повинно орієнтуватися на такі етичні цінності, як солідарність, свобода вибору, терпимість. При цьому жодна система цінностей вже не може розглядатися як єдиний варіант для людства, а інформаційні технології постмодерну не є культурно та соціально нейтральними, вже на стадії проектування в них закладається свідомо орієнтація на геостратегічні процеси культурної самоідентифікації

[19–25]. Можливості та обмеження, пов'язані з рефлексивним характером (пост) сучасної модернізації, орієнтують на активне використання їх діапазону при реалізації своїх геостратегічних амбіцій та забезпеченні їх культурно-цивілізаційної міцності [26; 27].

Таким чином, ціннісно-смыслові комплекси дозволяють суттєві трансформації закладені в поверхневих, актуальних шарах форм, зберігаючи при цьому суттєву специфіку культурно-цивілізаційного світу. При цьому в точці бифуркації предиктором може стати і дуже слабе вплив в ключовій точці суспільства. Розуміється, для стійкості соціальної тканини до «покушень невидимими засобами» необхідно відновлення системи патріотического виховання з пропагандою незмінних цінностей у всіх сферах життя (в політиці, ЗМІ, на виробництві, в родині та ін.), а також заборговано виконувати геостратегічну футуродіагностику явищ та процесів.

Історія виявила недоліки різних моделей суспільного устрою. Модернізація «другої», «іншої», «новий» Європи має свою сутність та форми, етапи та специфіку. Відповідно, навіть сприймаючи елементи вестернізації, ми володеємо можливістю як уточнення моделі інтеграції, так і вистраивання більш органічного представлення бажаного. Тобто, при прийнятті рішень по формуванню конкретних управлінських композицій необхідно скорректировать стратегію, тактику та оперативне мистецтво виконання як постсоветського транзиту зокрема, так і суспільного розвитку в цілому.

Зміст постсучасних інформаційних технологій та стратегій перемоги над конкурентом – не знищення конкурента та його ресурсів, а їх перетворення в підконтрольні (що дозволяє експлуатувати, але не нести відповідальності). Ресурсний потенціал при цьому не ліквідується, а освоюється, додаючись до свого. Це виконується, як правило, саме шляхом стимулювання бажаних трансформацій в індивідуальному свідомості та суспільному мненні, а після в соціальних стосунках та процесах. Роль інформаційних процесів тут часто стає визначальною. Тому, природно, максимумами при підготовці та проведенні інформаційних впливів в даних умовах є наступні: не будувати своїх планів, не отримавши максимум можливої достовірної інформації про плани інших, не дотримуватися старих планів, отримуючи нову інформацію, не думати, що по цікавому питанню тобі відомо практично все, не очікувати, що зможеш все дізнатися з початку дій: бездіяльність в погоні за повною інформацією – безглузда, хоч без-

деятельность как элемент стратегии выживания момента – естественна. И так, характер созданной информационной инфраструктуры позволяет обеспечивать определенное социальное поле общества, формируя вектор эмоциональной, волевой и интеллектуальной атмосферы общества.

Дальнейшее научное осмысление темы связывается с детализацией методик создания и осуществления информационных воздействий для оптимизации политических процессов (в частности продуктивных инноваций в этом).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Kurth J. Toward the Postmodern World / J. Kurth // *Dialogie*. – 1993. – № 2. – P. 8–13.
2. Геєць В.М. Конфігурація геополітичної карти світу та її проблемність / В.М. Геєць // *Економіка України*. – 2011. – № 1. – С. 4–15.
3. Харин А.Н. Цивилизация как новый актер геополитики / А.Н. Харин // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. – 2012. – № 3 (26). – С. 293–298. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pnu.edu.ru/media/vestnik/articles/805.pdf>.
4. Ремизов М.В. Проект «государство-цивилизация» / М.В. Ремизов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.apn.ru/userdata/files/konst/2.pdf>.
5. Глобальная геополитика / под редакцией И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. – М. : Издательство Московского университета, 2010. – 312 с.
6. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А.Г. Дугин. – СПб. : Амфора, 2007. – 382 с.
7. Шедяков В.Е. Постсовременная геополитика: социокультурное содержание, региональное измерение / В.Е. Шедяков // *Регион: проблемы и перспективы*. – 1998. – № 2–3. – С. 45–53.
8. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизаций. Путь разума / Н.Н. Моисеев. – М. : Язык русской культуры, 2000. – 224 с.
9. Шедяков В.Е. Фетиши экономического сознания и превращённые формы политического творчества / В.Е. Шедяков // *Человек и политика : тез. Междунар. научно-практ. конф.* – Х., 1993. – С. 86–87.
10. Шульга Е.Н. Генезис идеи коэволюции. Биофилософия. Философский анализ оснований биологии / Е.Н. Шульга. – М. : Ин-т философии РАН, 1997. – 264 с.
11. Шедяков В.Є. Полілог як простір стратегічної конкуренції між культурно-цивілізаційними світами / В.Є. Шедяков // *Актуальні проблеми філософії та соціології*. – 2015. – № 8. – С. 151–155.
12. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов / О.Г. Дробницкий. – М. : Политиздат, 1967. – 351 с.
13. Йоас Х. Возникновение ценностей / Х. Йоас. – СПб. : Алетейя, 2013. – 312 с.
14. Крымский С.Б. Ценностно-смысловой универсум Н.А. Бердяева / С.Б. Крымский // *Метаморфозы свободы: спадщина Бердяева в сучасному дискурсі (до 125-річчя з дня народження М.О. Бердяєва) // Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді*. – Вип. 1. – 2003. – С. 6–12.
15. Шедяков В.Е. Актуализация ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира как условие успешного участия в стратегической конкуренции / В.Е. Шедяков // *Государство и общество в современной политике*. – Воронеж, 2013. – Вып. 1. – С. 158–168.
16. Шедяков В.Є. Стимулювання бажаних трансформацій у системі соціальних технологій здійснення інформаційних впливів / В.Є. Шедяков // *Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони*. – 2009. – № 2 (5). – С. 82–86.
17. Шедяков В.Є. Стратегічне управління процесами постсучасних трансформацій за допомогою інформаційних впливів соціально-політичного рівня / В.Є. Шедяков // *Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Філософія. Соціологія. Політологія»*. – 2015. – № 1 (23). – С. 248–259.
18. Шедяков В.Е. Стратегические трансформации методологий социального управления в осуществлении общественных интересов культурно-цивилизационного мира / В.Е. Шедяков // *Гілея*. – 2013. – № 76 (№ 9). – С. 190–194.
19. Шедяков В.Є. Соціальна творчість та інноваційність стратегічного управління / В.Є. Шедяков // *Політичний менеджмент*. – 2013. – № 1–2 (57–58). – С. 42–51.
20. Шедяков В.Є. Управління суспільними процесами: методологічні можливості й обмеження / В.Є. Шедяков // *Соціальна психологія*. – 2013. – № 55. – С. 157–165.
21. Марача В.Г. Управление общественными изменениями: синтез рефлексивного и институционального подходов / В.Г. Марача // *Рефлексивные процессы и управление*. – 2008. – Т. 8. – № 2. – С. 44–65.
22. Авилов А.В. Рефлексивное управление. Методологические основания / А.В. Авилов. – М. : ГУУ, 2003. – 174 с.
23. Лефевр В.А. Рефлексия / В.А. Лефевр. – М. : Когито-Центр, 2003. – 496 с.
24. Сергеева Л.Н. Роль рефлексивного управления в обеспечении жизнеспособности социально-экономических систем / Л.Н. Сергеева, А.В. Бакурова, Т.Ю. Огаренко ; под ред. Р.Н. Лепы // *Рефлексивные процессы в экономике: концепции, модели, прикладные аспекты / НАН Украины, Ин-т экономики промышленности*. – Донецк : АПЕКС, 2010. – 306 с.
25. Шедяков В.Е. Изменение роли, методологии и ресурсных баз научной рефлексии как фактора реализации и использования ценностно-смысловых комплексов в информационных обменах стратегического уровня / В.Е. Шедяков // *Гілея*. – 2015. – Вип. 92. – С. 174–183.
26. Ожиганов Э.Н. Стратегический анализ политики: Теоретические основания и методы / Э.Н. Ожиганов. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 272 с.
27. Шедяков В.Є. Геостратегія сорозвитку: ціннісно-сміслові комплекси як основа взаємодій культурно-цивілізаційних світів / В.Є. Шедяков // *Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Філософія. Соціологія. Політологія»*. – 2015. – № 2. – С. 217–229.